

4. Морозов В.Ф. *История архитектуры Беларуси. Эпоха классицизма; учебное пособие.* – Минск, 2006. – 152 с.
5. Natusiewicz M., Natusiewicz R. *Spacerem po starym Grodnie w 1939 roku.* – Wrocław, 1992. – 60 s.
6. *Акты, издаваемые Виленскою археографическою комиссиею.* Т.5. – Вильна, 1871. – 432 с.
7. Бунин А.В., Круглова М.Г. *Архитектура городских ансамблей. Ренессанс.* – М.: Изд. лит. по строительству, 1935. – 200 с.
8. Степанов А.В. *Градостроительные проблемы крупного города: городской центр.* – М., ЦНТИ, 1975. – 35 с.

9. Вардосанидзе В. *К вопросу развития центра крупного города // Архитектура СССР.* 1981. № 5. С. 19-21.

Kishik Yu.N.

URBANE-PLANNING HERITAGE – IS THE INSTRUMENT OF THE CREATIVE ACTIVITIES

The article deals with an episode of Grodno urbane-planning history – the City Centre reconstruction at the beginning of the XIX century. Historically composed Centre Space planning principles and their possible utilization in modern reconstruction of the City – are under discussion.

УДК 72. 01(476)

Кожар Н.В.

ОСОБЕННОСТИ АРХИТЕКТУРНО-ТЕОРЕТИЧЕСКИХ ВОЗЗРЕНИЙ БЕЛАРУСИ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XVIII – НАЧАЛА XIX ВВ. В КОНТЕКСТЕ ЕВРОПЕЙСКОЙ ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ТЕОРИИ

В статье исследуются основные изменения в европейской архитектурной мысли, произошедшие во второй половине XVIII – первой половине XIX вв., характеризовавшиеся переходом от следования классицистической доктрине к романтическому принципу органичности. Показаны место и роль трактатов региональных теоретиков архитектуры в формировании художественных взглядов эпохи романтизма.

Введение. Среди систематических исследований по истории архитектуры Беларуси, проводившихся в XX – начале XXI веках отечественными и зарубежными учеными, можно выделить две группы. В первой авторы стремились представить развернутый анализ исторического развития регионального зодчества в широких хронологических границах от первобытнообщинного строя до начала XX века (П.Н. Батюшков, В. Без – Корнилович, С. Денбровский, М.О. Краснянский, Г.К. Лукомский, А.И. Локотко, С. Лоренц, А. Милобендский, М. Мореловский, В.А. Чантурия и др.). Вторая группа ученых исследовала особенности отдельного стиля, архитектуры конкретной эпохи или региона (Т.В. Габрусь, Ю.А. Егоров, М.С. Кацер, Е.Д. Квитницкая, Ю.Н. Кишик, А.Н. Кулагин, Г.А. Лаврецкий, В.Ф. Морозов, Ю.В. Чантурия и др.). Комплексное исследование истории архитектурной мысли или анализ теоретического наследия зодчих, работавших в Беларуси, в отечественной архитектурной науке никогда не проводилось. Известны лишь публикации А. Малкевича, З. Мишковского В. Татаркевича, посвященные проблемам польской архитектурной теории. Необходимостью заполнения существующего пробела в знаниях о раз-

витии архитектурных концепций, имевших распространение во второй половине XVIII – первой половине XIX вв. на территории нынешней Беларуси вызвана публикация данной статьи.

Основная часть. В работе использованы структурный и историко-генетический анализ, а также некоторые новейшие категории понятийного аппарата историко-философской и искусствоведческой наук. На основании проведенных исследований можно утверждать, что когда в 1756 году англичанин И. Уортон разделил "талант художника" на "интеллектуальный" и "поэтический", он предопределил суть ведущих европейских художественных направлений на ближайший век. Главенствующей эстетической системой Просвещения являлся классицизм, который был наиболее близок идеям просветителей своим методом. Он выражал социальное и идеологическое содержание эпохи, создал свою эстетику и стиль. Классицизм существовал и на всем протяжении романтической эпохи (примерно 1790-1840 годах), являясь в архитектуре "официальным" направлением. Не случайно З. Гидион отметил, что рубеж XVIII и XIX веков прошел "под покровом классицизма", который рассматривался им не как стиль, а как "окраска" (Färbung) [1, с.18]. Гидион впервые ввел в историю архитектурной науки понятие "романтический классицизм". Несмотря на заметную расплывчатость предложенного определения нового термина, в нем содержится суть основных изменений художественной теории рассматриваемого периода. Разум по-прежнему

оставался ведущим творческим принципом, но романтические влияния проникали в основы классицистической доктрины, вызывая нарушение ее целостности. Ученый отметил также важную черту мировоззрения романтической эпохи – обращение к истории для решения собственных задач. Оно было свойственно и классицизму: к образцам античности обращались в поисках "неизменного вечного идеала". Но в эпоху романтизма архитектор стал выбирать исторические формы, повинаясь индивидуальным пристрастиям и руководствуясь ассоциативной теорией. Возникло противоречие: желание зодчего создать "произведение искусства" (базирующееся на традиционных идеалах и соответствующих им формах) сопровождалось стремлением к использованию наиболее рациональных и экономичных конструкций.

На рубеже XVIII – XIX веков особую остроту приобрела проблема художественного выражения связи человека и его творчества с природой. До середины XVIII века человек жил с ощущением своего неразрывного родства с окружением. Основа мироздания в Просвещении покоилась на гармонии природы и разума. "Природа является рациональной, а разум – натуральным. Замечательное согласие", – писал французский ученый П. Азар [2, с.175]. Во второй половине XVIII столетия эти положения подверглись сомнению. Существенным пунктом полемики о природе стал поиск "духовной правды". Если для немецкого теоретика искусства И.И. Винкельмана "есть только одна красота, как есть только одна правда", то уже у Д. Дидро получила полное обоснование просветительская теория подражания "естественной природе", тождественной правде, добру и красоте. Эти положения, разрабатывавшиеся в европейской общехудожественной теории, сразу же становились достоянием архитектурной мысли, поскольку в этот период зодчество рассматривалось как вид "изящного искусства".

Новый виток рассуждений о сущности подражания означал переход от следования классицистической доктрине к романтической позиции самовыражения. Кажется, что Ф. Шлегель высказал традиционные мысли: "Искусство должно брать свои предметы лишь из сферы природы, ибо другого источника быть не может". Но, если в теории классицизма таким источником являлась "прекрасная природа", то романтик должен находить ее в "себе самом, в средоточии своего собственного существа, пу-

тем духовного созерцания и никак иначе". Для Жан-Поля эстетическое творчество представляло собой уже "прекрасное подражание природе". Именно *переход от подражания "прекрасной природе" к "прекрасному подражанию природе"*, а затем к *принципу органичности* проводит водораздел между архитектурной эстетикой классицизма и романтизма [5, с. 21].

Положение о том, что истоками архитектуры является природа, и вытекающий отсюда постулат о подражании ей часто встречается в трактатах по архитектуре, опубликованных исследователями Речи Посполитой, в состав которой входили современные белорусские земли (от Л. Опалиньского до С Сираковского). Традиция, исходящая от античности и принятая современной художественной теорией, трактовала природу двойко: как окружающая человека действительность (*natura naturata*) и как живая сила, управляющая жизнью природы (*natura naturans*). Подражание природе означало не имитацию реальных вещей, а руководство ее основными правилами.

Реализация в архитектуре тезиса о подражании природе наталкивалась на трудности, проявившиеся в двух вопросах: следует ли подражать всей природе и (или) в какой мере и каким образом архитектура может ей подражать. "Архитектура ... в подражании природе разумно и предусмотрительно выбирает из нее элементы. Из них составляет целое, которого нет в природе. Природа... в нашем понимании совершенное целое не создает, но человек ... разумный ... выбирает, соединяет (творения природы – Н.К.) в совершенную целостность, которую ученый мир называет Красотою Природы", – писал Вацлав Сираковский [3, с.17]. На аналогичной позиции стоял и Себастьян Сираковский: "Совершенство и красота архитектуры, как и других изящных искусств, зависит от подражания красивой природе... подражать красоте природы означает то же, что и подражать выбору совершенных частей, составляющих целое ... Все искусства стараются подражать природе для нашей пользы, удобства и наслаждения. Но природа, на наш взгляд, не создает ничего, что было бы абсолютным добром или злом, совершенно прекрасным или уродливым. Только красота искусства создает то, что не дает природа.... Это вымысел, но он основан на образце природы. Все является природой (говорит Поп), но природой усовершенствованной и это свободное подражание". Здесь автор задавался во-

просом: каким же способом архитектура может подражать природе? "Архитектура не имеет ... образца, так где же взять здания, созданные рукой природы?" [3, с.43].

Ответ на этот вопрос в 1764 году дал Иосиф Рогалинский в работе "О строительном искусстве...". Архитектура подражает природе потому, что "ее основные правила основаны на самом природном вдохновении". Для подтверждения своей мысли Рогалинский представил почти точный перевод раздела о древней хижине, представленный в труде М.А. Ложье в 1753 году. Из первобытного строительства шалашей "возникло потом целое строительное искусство. Этот простой шалаш, который мы тут описали, был неким образцом и примером, от которого произошло все богатство зданий ... " [4, с.22].

Подобные ссылки на древний шалаш или хижину можно найти еще у Витрувия. Но, благодаря теории Ложье, во взглядах на взаимосвязь архитектуры и природы возникли изменения. Предметом подражания стали не природные объекты или некие абстракции, а непосредственные произведения рук человека. Поэтому польскоязычные авторы в основном решали проблемы "подражания природе" в рамках "теории ордеров". Например, согласно С. Сираковскому, "ордер и анализ первобытного натурального строительства являются важным примером, которым должны руководствоваться архитекторы в их работе", чтобы создать истинное произведение искусства [3, с.46].

Еще одной важной проблемой художественной мысли второй половины XVIII в. являлось выявление социальной функции искусства и архитектуры, их роли в общественном и моральном воспитании человека. Понятия эстетического и художественного вкуса обсуждались в курсах профессоров Виленского университета Ф. Галянского, Е. Славацкого, Л. Боровского, в философских исследованиях А. Довгирда. На территории современной Беларуси нашли значительное распространение идеи западноевропейских просветителей, особенно широко были известны работы Вольтера, Дидро, Монтескье. Их статьи печатались в журналах ("Монитор"), изучались в учебных заведениях. Известно, например, что в Климовичском училище имелся полный комплект "Энциклопедии" Дидро [6, с.232].

В целом региональные архитектурные (как и общеэстетические) воззрения с конца XVIII века

характеризовались синтезом польской и русской культуры. Поэтому процесс развития архитектурно-теоретической мысли региона являлся процессом полилингвистическим. Вместе с тем белорусская культура не растворялась в общем потоке двух развитых и достаточно мощных культур. Этому способствовал тот факт, что в век Просвещения обучение детей и молодежи приобрело особый характер. Для чего, во-первых, была создана Эдукационная комиссия, во-вторых, широко учреждались народные училища. Например, вскоре после первого раздела Речи Посполитой (1772 год) в Витебской и Могилевской губерниях было открыто восемь главных и малых народных училищ. Основными дисциплинами в них были естественные и точные науки. Устав Эдукационной комиссии предусматривал также эстетическое образование детей, рекомендовалось изучать, наряду с другими науками, "Историю изящных наук и художеств, с выписями, соответствующими тем лекциям" [6, с.245]. По закону 1773 года обучение архитектуре велось в иезуитских коллегиях в Полоцке, Могилеве, Мстиславле и Витебске. Особенно развита была программа в Полоцке, где преподавали Габриэль Ленкевич, Франтишек Карев, Андрей Зебровский, Габриэль Грубер и Мансвет Скоковский.

После Третьего раздела Польши (1795 г.) все земли Беларуси вошли в состав Российской империи. Здесь начал действовать кодекс "Должность архитектурной экспедиции", составленный в 1740 г. как свод российских государственных правил и постановлений. В последующие годы в распоряжение белорусских архитекторов и мастеров было предоставлено свыше 50 русскоязычных изданий или переводов европейских теоретиков. Например, распространяемый в Беларуси журнал "Труды Вольного Экономического общества" в 1799 году рекомендовал своим подписчикам более 30 книг по архитектуре и "домостроительству". Эти публикации содержали описания памятников мирового зодчества, знакомили читателя с современными достижениями европейской архитектуры, давали "практические советы" по обустройству усадебного и городского жилища, отражали новые архитектурно-художественные идеалы.

По-прежнему вниманием читателя пользовались польскоязычные публикации. В 1801 году Михал Шульц издал "Речь об архитектуре". Для обучения студентов была предназначена и "Архитектура" (1812 год) Себастьяна Сираковского.

В 1815 году Станислав Костка Потоцкий представил первую польскоязычную историю искусств, включающую историю и теорию архитектуры. Работа явилась данью уважения и восхищения Потоцкого известным трудом немецкого историка искусства Иоганна Иоахима Винкельмана "История искусства древности" (1764 год).

"Трактат о вкусе" (1812 год), в котором Христиан Петр Айгнер решал теоретические проблемы, открыл новый этап публикаций о зодчестве, в которых архитектура, рассматриваемая как вид искусства, была полностью отделена от строительства как ремесла. Его текст свидетельствует о том, что начале XIX века приобрела своих сторонников и концепция французского теоретика-рационалиста Ж.Н.Л. Дюрана, которая широко использовалась при подготовке архитекторов в коллегиях Беларуси и в университете Вильно (курс архитектуры К. Подчашинского). Научно-теоретическим статьям сопутствовали публикации о памятниках славянского (в т.ч. белорусского) народного зодчества (Х.П. Айгнер "Трактате о древних и славянских святынях", 1808 год). Они отразили интерес к этнографическому изучению Беларуси, выявлению ее самобытности, возникший в среде прогрессивной польской и русской интеллигенции.

Как уже отмечалось, важнейшим региональным центром образования, начиная с XVI века, был Виленский университет. Ян Снядецкий – ректор университета в 1806-1825 годах – издал работу с характерным для эпохи названием "О произведениях классицизма и романтизма". В дискуссии "романтиков" и "классиков" Я. Снядецкий поддерживал последних [6, с.250]. Не остался в стороне от обсуждения художественных проблем и уроженец Могилевщины Аниол Довгирд. От произведений архитектуры он требовал "очарования глаз красотой и гармоничностью форм" [6, с.251]. Стойким приверженцем идей создателя европейской теории "просветительского классицизма" Винкельмана являлся и профессор Свислочской и Виленской гимназии и университета Л. Боровский. В трудах 1820-х годов он высказал мысль о том, что объективные условия Древней Греции превратили "чувство истинно прекрасного в главнейшую черту характера греческого народа", нашедшую отражение в его искусстве и архитектуре и отраженную в его важнейших делах и установлениях". И призвал отечественных зодчих следовать лучшим "образцам древности" [7, с.176].

Среди русскоязычных критических статей 1820-30-х годов, посвященных проблемам классицизма и романтизма, следует выделить публикации Антона Марцинковского. Выступая против нормативного классицизма, автор выдвигал принципы оценки произведений искусства (в том числе зодчества), характерные для романтизма, опирающегося на философию Гегеля. Он отверг неокантианскую эстетику, для которой критика являлась выражением "чувства вкуса и аргументацией... просвещенного суждения о плодах гения и явлениях искусства" По мнению Марцинковского "только оценка произведения искусства эстетической критикой имеет непреходящую ценность" [6, с.212].

Поискам этой "непреходящей ценности" (идеала) и самобытности сопутствовал вопрос о "наследовании". И в русско- и в польскоязычных изданиях проблема развивалась от классицистических призывов к подражанию античному образцу (С.К. Потоцкий, А. Довгирд, Я. Снядецкий), до признания возможности заимствования "неордерных" форм (братья Сираковские, М. Шульц, Х.П. Айгнер). Обращение к стило-прототипу в первую очередь связывалось с вызываемыми им ассоциациями, его содержательным началом (А. И. Галич, В. Фарфаровский). Ставился вопрос о взаимосвязи "сделанной с пользой формы" с "формой красоты" (Н.В. Дмитриев). Идейнным установкам сопутствовали требования комфорта, уюта и учета местных особенностей. В соединении таких разнородных начал виделся путь к созданию "современной архитектуры". Начались поиски "стиля эпохи", открывшие новый период развития теории зодчества [8].

Заключение. В истории архитектурной мысли второй половины XVIII – первой половины XIX веков с достаточной долей условности можно выделить два этапа. На первом этапе (вторая половина XVIII – конец XVIII веков) концепции отечественных теоретиков складывались на основе синтеза классицистических идей западно-европейских мыслителей. Позиции ряда авторов (П. Свитковский, Х.П. Айгнер, братья Сираковские) формировались под влиянием французских теоретиков эпохи Просвещения (М.А. Ложье, Ч.Э. Бризе, Ф. Блондель и др.). Из немецкой теории заимствованы концепции И.И. Винкельмана и представителя "Берлинской школы" Д. Жилли (Х.П. Айгнер, С.К. Потоцкий). Одновременно в региональную архитектурную теорию проникли рационалистические идеи фран-

цузского теоретика Ж.Н.Л. Дюрана, в которых подчеркивалась техническая сторона архитектуры. (К. Подчашинский). В конце XVIII века появились труды, посвященные историческим и эстетическим проблемам зодчества, вопросам сельской архитектуры (П. Свитковский, Ф. Раун).

Второй этап (конец XVIII – первая половина XIX веков) характеризовался изданием польско- и русскоязычных работ, отражающих распад теоретической доктрины классицизма и формирование теорий романтических "неостилей". В большинстве публикаций, вплоть до 1830-х годов, сохранялась витрувианская позиция в отношении функциональной и идейной функции архитектуры (М. Шульц, Х.П. Айгнер, С.К. Потоцкий). Однако, в результате перестановки акцентов во взглядах на суть архитектуры, в работах начала XIX века были оспорены некоторые позиции теории античного теоретика (А. Рогалинский, С. Сираковский). Важная категория романтического мышления – историзм – начала проецироваться в область архитектурной эстетики в виде проблемы стиля (братья Сираковские и М. Шульц, Х.П. Айгнер). Возникшая в середине XIX века в профессиональной печати дискуссия о "новом стиле" открыла дорогу теории архитектуры эпохи эклектики.

Литература:

1. Giedion S. *Spätbarocker und Romantischer Klassizismus*. – München, 1922. – 123 s.
2. Наливайко Д.С. *Искусство: направления, течения, стили*. – Киев: Мистецтво, 1981. – 286 с.
3. Małkiewicz A. *Teoria architektury w nowożytnym piśmiennictwie polskim // Zeszyty Naukowe Uniwersytetu Jagiellońskiego // Prace z Historii Sztuki*, 13 – Kraków 1976. – 135 s.
4. Mieszkowski Z. *Podstawowe problemy architektury w traktatach polskich od połowy XVI do początku XIX w.* – 1970. – 120 s.
5. Кожар Н.В. *Архитектурная теория эпохи романтизма в Германии и развитие западноевропейского зодчества конца XVIII - первой половины XIX вв.* – Минск: Парадокс, 2000. – 260 с.
6. *Очерки истории философской и социологической мысли Белоруссии./Сост. Дорошевич Э.В., Конон В.А.* – Минск, 1973.-560 с.
7. Дорошевич Э.К. *Философия эпохи просвещения в Белоруссии* – Мн: Наука и техника, 1971. – 248 с.
8. Кириченко Е.И. *Романтизм и историзм в русской архитектуре XIX в. К вопросу о двух фазах развития эклектики // Архитектурное наследие* – М., 1988. – Т.36. – С. 130-143.

Kozhar N.V.

SPECIAL FEATURES OF THE BELARUSIAN ARCHITECTURAL THEORY CONCEPTS IN THE SECOND PART OF THE XVII – BEGINNING OF THE XIX CENTURIES IN CONTEXT OF THE EUROPEAN ART THEORY

The article considers the main problems of classicism and romanticism, which have been under consideration of Belarusian architectural theory, and their relations with European architectural thought.

УДК 72.01

Колосовская А.Н.

МИФИЧЕСКОЕ И НАУЧНОЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЕ О САКРАЛЬНОМ ПРОСТРАНСТВЕ

В статье на основе проведенного анализа представлений и интерпретаций сакральных пространств в различных культурах выделены уровни сакрализации пространства, его основные составляющие. Рассмотрена концепция многомерности пространства в рамках взаимодействия искусства и религиозного христианского миропонимания, и ее воплощение в христианском искусстве. Раскрыты термины «сакральное пространство», «священнодействие», «священный предмет». Сакральное пространство проанализировано как пространство, напрямую подчиненное религиозной идеологии, а также пространство, где сакральное – это психологическое и эмоциональное состояние – душевное переживание, возникающее у человека, находящегося в этом пространстве. Так как это состояние связано с целым рядом ассоциаций, то организующая его архитектурная среда должна быть нацелена, прежде всего, на его обнаружение и усиление. Делается вывод о том, что результатом дизайнерской деятельности по организации сакрального пространства должен

являться синтез природы и культуры, через постижение символики архитектурных образов и обогащение утилитарного пространства сакральным смыслом.

Введение. Проблемам сакрального пространства, вопросам его организации посвящено множество исследований зарубежных и отечественных авторов (Е.С. Агранович-Пономарева, И.А. Иодо, И.В. Морозов, О.М. Фрейденберг, Е. Ульман и др.) [1, 2, 3, 4]. Тем не менее, остается ряд не исследованных наукой ключевых моментов, которые находят свое отражение в мифах, в символических терминах. В статье с использованием историко-генетического метода предпринята попытка проследить, как создается пространство, насыщенное идеологией, пространство, синтезирующее и отражающее раз-